МИХАИЛЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ

ЛОМОНОСОВЪ

А. ФИЛОНОВА.

Изданіе учрежденной по Высочайшему повелѣнію Министромъ Народнаго Просвѣщенія Постоянной Коммиссіи по устройству народныхъ чтеній.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ

(Исправленое и дополненное).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія д-ра М. А. Хана, Ковенскій пер., д. № 14.
1884.

Дозволено цензурою, Спб., 13 марта 1884 г.

Михаилъ Васильевичъ
ЛОМОНОСОВЪ.

Неводъ рыбакъ разстилалъ по брегу
студенаго моря;
Мальчикъ отцу помогалъ. Отрокъ,
оставь рыбака!
Мрежи иныя тебя ожидаютъ, иныя за-
боты:
Будешь умы уловлять, будешь помощ-
никъ царямъ.

А. Пушкинъ.

Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ былъ сынъ крестьянина, занимавшагося рыбнымъ промысломъ. Родился Ломоносовъ въ деревнѣ Денисовкѣ, Куростровской волости, недалеко отъ города Холмогоръ, Архангельской губерніи, въ 1712 году, при Петрѣ Великомъ. Отъ матери своей, дочери дьячка, да отъ крестьянина Ивана Шубнаго онъ выучился грамотѣ, да такъ хорошо, что сталъ

читать Апостолъ въ церкви и пѣть на клиросѣ своей приходской церкви.

Случайно попалась Ломоносову «Псалтырь», переложенная въ стихи іеромонахомъ Симеономъ Полоцкимъ,жившимъ при дворѣ Царя Алексѣя Михайловича, отца Петра Великаго. Въ то время Псалтырь Симеона Полоцкаго была любимою книгою въ народѣ. Ломоносовъ, увидѣвши ее, изумился: стихи, которыми она написана, заставили трепетать его сердце радостію. Ломоносовъ спрашивалъ своихъ деревенскихъ учителей, не могутъ ли они научить его сочинять стихи,—«нѣтъ, не можемъ», отвѣчали деревенскіе учители. На вопросъ: гдѣ учатъ писать стихи? былъ одинъ отвѣтъ: «въ Москвѣ».

Попадается Ломоносову другая книга: «Ариѳметика», сочиненіе Леонтія Магницкаго. Теперь эта книга забыта, но тогда знала ее вся грамотная Россія. Магницкій былъ учителемъ при Петрѣ Великомъ. Государь любилъ бесѣдовать съ учителемъ Леонтіемъ, увлекался его умными разговорами. Въ Ариѳметикѣ Магницкаго, которую при Петрѣ Великомъ издавали неоднократно, кромѣ цифръ, находятся разнаго рода полезныя свѣдѣнія. Эта книга, подобно Псалтыри Си-

меона Полоцкаго, пробудила въ душѣ Ломоносова сильное желаніе учиться.

Но гдѣ и какъ Ломоносову было учиться? Дома, у отца, не давали ему учиться. Родная его матушка уже умерла; отецъ его, неграмотный человѣкъ, не видѣлъ толку въ книгѣ; мачиха же не только сама не знала грамоты, но и положительно мѣшала ему учиться.

Послушаемъ, какъ самъ Ломоносовъ разсказываетъ о своемъ домашнемъ воспитаніи: «я, имѣючи отца, хотя по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую завистливую мачиху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами. Для того многократно я принужденъ былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ, и терпѣть стужу и голодъ, пока я ушелъ въ Спасскія школы» (т. е. въ Москву).

Но книги не могли занимать собою все время Ломоносова. Онъ долженъ былъ оставлять ихъ, дабы помогать отцу въ работахъ. Отецъ Ломоносова, какъ уже сказано, занимался рыбнымъ промысломъ; онъ бралъ съ

собою своего единственнаго сына Михаила и далеко увозилъ его отъ своей деревни въ Бѣлое море и даже въ Сѣверный Океанъ. Самъ Ломоносовъ говоритъ: «у Бѣлаго моря бывалъ многократно для покупки соли къ отцовскимъ промысламъ.» Бѣлое море, Сѣверный океанъ, сѣверное сіяніе и вообще вся природа Сѣвернаго края могла только еще болѣе воспламенить искру, зароненную въ сердцѣ Ломоносова Богомъ. Душа его рвалась къ ученью, къ тому ученью, которое есть свѣтъ, которое открываетъ намъ глаза и на самихъ насъ, и на міръ Божій. Въ деревнѣ, гдѣ Ломоносовъ родился и провелъ около восемнадцати лѣтъ своей жизни, онъ не видѣлъ ученыхъ людей, которые могли бы объяснить ему, какъ пишутся стихи, и что такое это сѣверное сіяніе, которое поражаетъ своимъ чуднымъ блескомъ. И вотъ онъ рѣшается покинуть родительскую хату, чтобы идти въ Москву учиться. Тайкомъ отъ отца выхлопатываетъ себѣ паспортъ, выпрашиваетъ у одного крестьянина китайчатое полукафтанье, да три рубля денегъ и ночью уходитъ пѣшкомъ въ Москву вмѣстѣ съ обозомъ рыбы, при которомъ находились его земляки.

Удивительная, рѣдкая любовь къ ученью!

Добирается Ломоносовъ до Москвы... Онъ одинъ среди незнакомаго города. Первую ночь провелъ бѣднякъ въ саняхъ. На завтрашній день, увидѣвъ церковь, бросился онъ на колѣни и со слезами молилъ Бога помочь ему... Теплая молитва была услышана. Приходитъ покупать рыбу человѣкъ: въ немъ Ломоносовъ узнаетъ своего земляка. Землякъ зоветъ къ себѣ Ломоносова, даетъ ему временный пріютъ, а затѣмъ узнавъ, что тотъ пришелъ учиться, указываетъ на одного знакомаго монаха. Монахъ принимаетъ горячее участіе въ судьбѣ крестьянскаго сына и устраиваетъ его въ Спасскихъ школахъ, существовавшихъ въ Москвѣ. Слава Богу! начало образованія положено!

Но много пришлось вытерпѣть въ школѣ Ломоносову! Надобно было имѣть желѣзную волю, чтобы вынести тѣ скорби, тѣ лишенія, которыя онъ перенесъ изъ-за любви къ ученью... Ломоносовъ самъ такъ разсказываетъ о своемъ воспитаніи въ Спасскихъ школахъ: «Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающія отъ наукъ пресильныя стремленія, ко-

торыя въ тогдашнія лѣта почти непреодоленную силу имѣли. Съ одной стороны отецъ дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ: что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ. Съ другой стороны несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ (3 коп. ассигнаціями) въ день жалованья нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ на денежку хлѣба, и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ, и наукъ не оставилъ. Съ одной стороны пишутъ, что, зная моего отца достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которыхъ и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны школьники, малыя ребята, кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де какой болванъ! въ двадцать лѣтъ пришелъ латинѣ учиться!»

Но ни искушенія со стороны отца, ни насмѣшки со стороны малыхъ ребятъ, ни бѣдность въ средствахъ жизни не могли поколебать великой души Ломоносова: ибо въ ней горѣла искра Божія... Ломоносовъ учился изо всѣхъ силъ; онъ скоро опередилъ

всѣхъ своихъ товарищей и въ одинъ годъ прошелъ три класса, что весьма удивительно и что показывало въ Ломоносовѣ больщія, необыкновенныя способности. Ломоносовъ выучился даже писать стихи, и отъ учителя заслуживалъ похвалу. Онъ не только уроки зналъ отлично, но старался, кромѣ того, больше читать. Библіотека Спасскихъ школъ заключала въ себѣ сочиненія отцевъ Церкви; Ломоносовъ особенно усердно читалъ творенія Святаго Василія Великаго.

Пять лѣтъ, проведенныхъ въ Спасскихъ школахъ, положили начало славной будущности Ломоносова. Научившись всему тому, почему тамъ можно было научиться, онъ пожелалъ посѣтить Кіевъ, дабы и тамошней наукѣ поучиться. Въ Кіевѣ уже давно существовало высшее духовное училище, называемое теперь Духовною Академіею. Начальство Спасскихъ школъ согласилось послать Ломоносова въ Кіевъ для дальнѣйшаго образованія. Ломоносовъ побылъ въ Кіевѣ менѣе года, поучился и у тамошнихъ учителей: но все ему было мало. Душа его желала все новыхъ и новыхъ познаній.

Скоро случай представился ему самый благопріятный для насыщенія жажды познанія.

По возвращеніи Ломоносова изъ Кіева въ Москву, пришла изъ Петербурга бумага, въ которой требовали въ Академію Наукъ лучшихъ воспитанниковъ Спасскихъ школъ.

Академіею Наукъ называется самое высшее ученое учрежденіе, которое имѣетъ цѣлію развивать науки. Академія Наукъ у насъ основана была Петромъ Великимъ. Этотъ Государь, кромѣ развитія наукъ, возложилъ на Академію еще одну важную обязанность: учить молодыхъ людей, дабы изъ нихъ потомъ вышли ученые люди. Съ этою цѣлію при тогдашней Академіи Наукъ была устроена гимназія. Въ гимназію Академическую и были потребованы лучшіе ученики изъ Спасскихъ Московскихъ школъ. Ломоносовъ пріѣзжаетъ въ Петербургъ на казенный счетъ, дѣлается воспитанникомъ гимназіи и снова обращаетъ на себя особенное вниманіе своихъ наставниковъ.

При гимназіи Академической Ломоносовъ былъ не долго. Его вмѣстѣ съ другими двумя товарищами отправили за-границу учиться. Онъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Нѣмецкой землѣ, учился разнымъ наукамъ, а преимущественно естественнымъ. Науками естественными называются такія, которыя объ-

ясняютъ природу, т. е. видимый нами міръ. Науки естественныя или натуральныя говорятъ намъ о томъ, что есть на видимомъ нами небѣ, землѣ, въ водахъ и подъ землею. Учился Ломоносовъ горному дѣлу—наукѣ узнавать, гдѣ и какимъ образомъ искать въ глубинѣ земли желѣзную руду и другіе металлы. Ломоносовъ оказалъ хорошіе успѣхи въ разныхъ наукахъ. Самъ Нѣмецкій учитель Ломоносова отзывался о немъ съ отличной стороны: «Ломоносовъ воспользовался науками, говорилъ этотъ Нѣмецкій ученый, Ломоносовъ будетъ полезенъ отечеству». Еще вотъ что говорилъ Нѣмецкій учитель о Ломоносовѣ: «Ломоносовъ кажется одареннымъ чрезвычайнымъ, бойкимъ умомъ... У него къ наукамъ большая охота и любознательность». Не только нашъ Холмогорскій рыбакъ-крестьянинъ поражалъ своего Нѣмецкаго учителя, ученѣйшаго человѣка въ свѣтѣ, философа, своимъ умомъ, охотою къ наукамъ, любознательностію, успѣхами въ наукахъ, но и поражалъ своимъ добрымъ, нѣжнымъ, дѣтскимъ сердцемъ. Онъ раскаявался передъ учителемъ въ своихъ проступкахъ, при прощаньи-же съ нимъ «отъ горести и слезъ не могъ произнести ни одного слова».

За море, въ Нѣмецкую землю, Ломоносовъ былъ отправленъ именно съ тою цѣлію, чтобы изучать горное дѣло, т. е. искусство находить и добывать руду, и тѣ науки, которыя относятся до горнаго дѣла.

Горное дѣло Ломоносовъ изучалъ очень усердно. Неоднократно въ своихъ сочиненіяхъ онъ вспоминаетъ о тамошней природѣ, о тамошнихъ горныхъ заводахъ, о тамошнихъ порядкахъ. «За моремъ при осматриваніи рудниковъ мнѣ въ гору опускаться случалось почти прямо въ низъ до сорока лѣстницъ, каждая по четыре сажени. Ниже идти не пускала вода, потому что тогда одолѣла около семи лѣстницъ».

Эти подлинныя слова Ломоносова ясно показываютъ, съ какою сильною любовію онъ относился къ горному дѣлу, какъ былъ примѣрно любознателенъ, какъ онъ желалъ узнать, что дѣется внутри земли. Вы видите, что нашъ Холмогорскій парень, на 160 саженей спускался въ землю, чтобы узнать подземные слои и видѣть, какъ образуются руды.

Поражаешься его наблюдательностію, когда находишь въ сочиненіяхъ Ломоносова, что онъ имѣлъ терпѣніе замѣтить и вычислить тридцать слоевъ земныхъ, видѣнныхъ имъ

на одномъ косогорѣ въ Германіи, около рудныхъ горъ...

Еще поразительнѣе то обстоятельство, что этотъ любитель горнаго дѣла, проникающій во глубину нѣдръ земныхъ на 160 саженей, въ то же самое время сочиняетъ стихи... Находясь при изученіи горнаго дѣла, Ломоносовъ слышитъ радостную вѣсть о побѣдѣ Русскаго войска надъ Турками и Татарами и пишетъ большое стихотвореніе «на взятіе города Хотина». Стихотвореніе отправилъ онъ въ Петербургъ и такъ восхитилъ знатоковъ дѣла складомъ своего стиха, складомъ новымъ, не бывалымъ, что о Ломоносовѣ заговорили при дворѣ Императрицы Анны Ивановны; о немъ узнала вся просвѣщенная Россія.

Окончились годы ученья.—Пять лѣтъ воспитанія въ Спасскихъ школахъ, ученье въ Кіевѣ, ученье въ гимназіи при Петербургской Академіи наукъ и (почти) четырехлѣтнее обученіе за моремъ, въ Нѣмецкой землѣ, принесли обильные плоды. Они весьма скоро оказались, лишь Ломоносовъ, по возвращеніи въ Петербургъ, поступилъ на службу при Академіи Наукъ, по ученой части. До сихъ поръ въ теченіи почти двѣ-

надцати лѣтъ, до тридцатаго года своей жизни, Ломоносовъ все былъ ученикомъ. Теперь самъ сталъ учителемъ. Онъ учитъ при Академіи Наукъ учениковъ; его уроки увлекаютъ вельможъ Русскихъ: Шувалова, графа Воронцова и другихъ; его уроки привлекаютъ въ Академію Наукъ многочисленную публику; его уроки, въ сочиненіяхъ преподанные, раздаются по Русскимъ школамъ, по городамъ и селамъ: вся грамотная Русь удивляется великому Русскому ученому мужу,— ему удивляются заморскіе ученые... Наши Царицы щедрою рукою изливаютъ на Ломоносова свои милости. Императрица Елисавета, согласно просьбѣ Ломоносова, опредѣляетъ его на службу при Академіи; она же приказываетъ выдать Ломоносову полное жалованье за годъ, когда онъ разъ Сенатомъ былъ лишенъ таковаго за нѣкоторыя свои по службѣ «продерзости». Императрица Елисавета Петровна награждаетъ его тысячами рублей за его стихотворенія; даритъ ему дачи, мызы, приближаетъ ко двору. Императрица Екатерина II назначаетъ ему пожизненный пенсіонъ. Ломоносовъ имѣетъ свой домъ въ Петербургѣ (на Мойкѣ, около Почтамтскаго мостика), съ садомъ. Счастіе пол-

ное окружаетъ Ломоносова, но ничто не можетъ его «отвести отъ любви и усердія къ наукамъ». Онъ трудится безъ усталости, трудится непрерывно, имѣя въ виду одно благо отечества. 1755 года Ломоносовъ писалъ къ одному вельможѣ, своему благодѣтелю, Ивану Ивановичу Шувалову: «всякъ человѣкъ требуетъ себѣ отъ трудовъ упокоенія: для того, оставивъ настоящее дѣло, ищетъ себѣ съ гостьми или съ домашними препровожденія времени, картами, шашками и другими забавами, а иные и табачнымъ дымомъ; отъ чего я уже давно отказался, за тѣмъ, что не нашелъ въ нихъ ничего, кромѣ скуки». Черезъ девять лѣтъ къ тому же вельможѣ (И. И. Шувалову) онъ писалъ въ томъ же родѣ: «по разнымъ наукамъ у меня столько дѣла, что я отказался отъ всѣхъ компаній; жена и дочь моя привыкли сидѣть дома. И по сіе время мы ужились въ единодушіи».

Чѣмъ же занимался Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ? Какія дѣла дѣлалъ на пользу и славу нашего отечества?

Всѣхъ его занятій мы не можемъ перечислить въ короткое время; всѣхъ дѣлъ его нельзя ясно показать въ одну какую-нибудь бесѣду. Сдѣлаемъ хотя краткое на нихъ ука-

занiе, познакомимся хотя съ главнѣйшими его мыслями.

Ломоносовъ трудился, можно сказать, за цѣлую Россiю; потому онъ занимался разными науками, а не одною какою-нибудь.—Главнымъ его занятiемъ были науки естественныя, т. е. науки о видимомъ нами мiрѣ, напримѣръ: Физика, Химiя и Астрономiя.

Ломоносовъ во всѣхъ своихъ сочиненiяхъ высказывалъ мысль о необходимости изученiя природы, т. е. видимаго нами мiра; онъ говорилъ, что изученiе природы, иначе называемой натурой, пробуждаетъ въ человѣкѣ мысль о Богѣ: «испытанiе натуры трудно, слушатели, однако прiятно, полезно, свято. Чѣмъ больше таинства ея разумъ постигаетъ, тѣмъ вящшее (большее) увеселенiе чувствуетъ сердце. Чѣмъ глубже до самыхъ причинъ столь чудныхъ дѣлъ проницаетъ разсужденiе, тѣмъ яснѣе показывается непостижимый всего бытiя Строитель. Его всемогущества, величества и премудрости видимый сей мiръ есть первый, общiй, неложный и неумолчный проповѣдникъ».

Въ другомъ мѣстѣ Ломоносовъ говоритъ: «Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ Свое величество,

въ другой Свою волю. Первая видимый сей міръ, Имъ созданный, чтобы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, призналъ Божественное всемогущество. Вторая книга—Священное Писаніе».

Каждый предметъ, находящійся въ природѣ, занималъ Ломоносова. О каждомъ изъ нихъ онъ высказываетъ свое мнѣніе. У Ломоносова есть цѣлая книга, въ которой онъ толкуетъ о золотѣ, серебрѣ, мѣди, оловѣ, желѣзѣ, свинцѣ, мышьякѣ, цинкѣ, ртути, сѣрѣ, каменномъ углѣ, нефти, смолѣ, квасцахъ, купоросѣ, соли, селитрѣ —о томъ, что такое хрусталь, кремень, слюда, магнезія,— что такое руды золотыя, серебряныя, свинцовыя, оловянныя, мѣдныя, желѣзныя, ртутныя. Въ этой книгѣ онъ подробно говоритъ о томъ; какъ золото и серебро отъ свинца отдѣлять, какъ золото отъ серебра отдѣлять, какъ серебро отъ мѣди отдѣлять и проч.

Разсмотрѣвъ разныя вещества, находящіяся въ землѣ какъ-то: черноземъ, торфъ, уголь, Ломоносовъ въ благоговѣйномъ чувствѣ восклицаетъ: «и натура есть нѣкоторое евангеліе, благовѣствующее неумолчно Творческую силу, премудрость и величество. И не токмо

небеса, но и нѣдра земныя повѣдаютъ славу Божію».

Видимое нами небо занимало Ломоносова не менѣе земли. Онъ толковалъ своимъ современникамъ, что такое солнце, что такое планеты небесныя, что такое кометы; измѣрялъ вышину и ширину видѣннаго имъ на родинѣ близъ Архангельска сѣвернаго сіянія.

Говоря о небесныхъ планетахъ, говоря о кометахъ и сѣверномъ сіяніи, всегда имѣлъ въ виду простой народъ, который съ боязнію смотритъ на комету, предсказывающую, по его понятіямъ, несчастіе; съ изумленіемъ смотритъ на сѣверное сіяніе, видя въ немъ предвѣстіе скорой войны между народами. Ломоносовъ сожалѣлъ о таковомъ несправедливомъ взглядѣ простого народа на небесныя явленія, объясняемыя совершенно простыми причинами.

Извѣстно всѣмъ намъ, какъ грозна и разрушительна сила молніи и грома; содрогается домъ при раскатахъ грома; блескъ молніи ослѣпляетъ наши глаза, уничтожаетъ въ одно мгновеніе растеніе, человѣка обжигаетъ и нерѣдко зажигаетъ зданія. Въ страшныхъ раскатахъ грома и ослѣпительномъ блескѣ молніи народъ видитъ гнѣвъ Божій. Народъ

крестится при каждомъ ударѣ грома и сверканіи молніи. Оттуда и пословица вышла: «громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится». Ломоносовъ и тутъ оказалъ намъ важную услугу, незабвенную. Не отрицая гнѣва Божія въ громовой силѣ, онъ въ тоже время старался внушить, что Богъ далъ человѣку разумъ, дабы онъ искалъ способовъ къ избавленію себя отъ смертоносныхъ громовыхъ ударовъ, и при этомъ выражаетъ такія убѣдительныя мысли: «симъ предпріятіемъ *) не уповаю, слушатели, чтобы въ васъ негодованіе или боязнь нѣкоторая родилась. Ибо вы вѣдаете, что Богъ далъ и дикимъ звѣрямъ чувство и силу къ своему защищенію: человѣку, сверхъ того, далъ прозорливое разсужденіе къ предвидѣнію и отвращенію всего того, что жизнь его вредить можетъ. Не однѣ молніи на оную (т. е. жизнь) устремляются, но и многія иныя повѣтрія, наводненія, трясенія земли, бури, которыя не меньше насъ повреждаютъ, не меньше устрашаютъ. И когда лекарствами отъ моровой язвы, плотинами отъ наводненій, крѣпкими основаніями отъ трясенія земли и отъ бурь, обороняемся; и при томъ не

*) Т. е. изобрѣтеніемъ громоотвода.

думаемъ, якобы мы дерзостнымъ усилованіемъ гнѣву Божію противились; того ради какую мы можемъ видѣть причину, которая бы намъ отъ громовыхъ ударовъ запрещала? Напротивъ того, сколько намъ дано и позволено, далѣе простираться не перестанемъ, осматривая все, къ чему умное око проникнуть можетъ».

Руководясь такими мыслями, Ломоносовъ, первый изъ Русскихъ ученыхъ, изобрѣлъ громоотводъ. Когда вы видите теперь на домахъ желѣзный длинный прутъ, стоящій въ видѣ шеста отъ крыши до земли, то знайте, что этотъ прутъ научилъ насъ ставить Ломоносовъ. Вамъ уже извѣстно, что такой желѣзный шестъ отводитъ смертоносную силу грома и молніи. Эта сила по пруту спускается въ землю, не причиняя дому ни малѣйшаго вреда.

Кромѣ любви къ природѣ, Ломоносовъ имѣлъ еще одну любовь, чистую, пламенную любовь къ нашимъ отечественнымъ славнымъ людямъ. Ломоносовъ въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ прославляетъ Петра Великаго, Императрицу Елисавету Петровну и Матушку Екатерину Великую. Онъ особенно любилъ Императора Петра Великаго. Всѣ дѣла этого Государя нашли въ Ломоносовѣ достойнаго проповѣдника. Ломоносовъ старательно описываетъ трудовую жизнь Государя, его любовь къ ботику, ветхому судну, которое Петръ ребенкомъ нашелъ въ запущеніи, которое было для него исправлено и впослѣдствіи получило названіе дѣдушки русскаго флота. О встрѣчѣ ботика Петромъ Ломоносовъ такъ говоритъ: «покрываются Невскія струи судами и флагами, не вмѣщаютъ берега великаго множества зрителей; колеблется воздухъ и стонетъ отъ народнаго восклицанія, отъ шума веселъ, отъ трубныхъ гласовъ, отъ звука огнедышащихъ махинъ (т. е. пушекъ). Какое счастье, какую радость намъ Небо посылаетъ! Кому на срѣтеніе Монархъ нашъ съ таковымъ великолѣпіемъ выходитъ? Ветхому ботику, но въ новомъ первенствующемъ флотѣ.»

Съ умиленіемъ Ломоносовъ повѣствуетъ о благочестіи Петра I, какъ онъ въ церкви пѣвалъ на клиросѣ, читалъ Апостолъ,—какъ онъ, великій и благочестивый Государь, встрѣчалъ мощи Св. Александра Невскаго, самъ на кормѣ управлялъ судномъ, а генераловъ заставилъ работать веслами.

Съ удивленіемъ разсказываетъ Ломоно-

совъ о простотѣ Петра Великаго, кроткомъ обращеніи его съ подданными, его общедоступности: «часто межь подданными своими просто обращался, часто пѣшему свободно было просто встрѣтиться, слѣдовать, идти вмѣстѣ, зачать рѣчь, кому потребуется. Какое увеселеніе за столомъ его было! Спрашиваетъ, слушаетъ, отвѣчаетъ, разсуждаетъ, какъ съ друзьями. Въ коль малыя хижины художниковъ вмѣщалъ свое величество; и самыхъ низкихъ (изъ низшаго сословія), но искусныхъ и вѣрныхъ рабовъ ободрялъ своимъ посѣщеніемъ! Коль часто съ ними упражнялся въ художествахъ, т. е. ремеслахъ и въ трудахъ разныхъ!»

Въ концѣ своего похвальнаго слова Петру Великому Ломоносовъ указываетъ на его разноообразную и многотрудную дѣятельность. Описаніе Ломоносова поразительно: «я въ полѣ межъ огнемъ (т. е. среди сраженія); я въ судныхъ (судебныхъ) засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями, я въ разныхъ художествахъ (т. е. на фабрикахъ и заводахъ) между многоразличными машинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между безчисленнымъ народа множествомъ, я между стенаніемъ валовъ Бѣ-

лаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго морей и самаго океана духомъ обращаюсь (т. е. мысленно нахожусь) и вездѣ Петра Великаго вижу въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени, и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе,—и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча».

Не думайте, что Ломоносовъ только объ одномъ Петрѣ великомъ говорилъ; нѣтъ, онъ говорилъ о всѣхъ нашихъ государяхъ, бывшихъ до Петра. Всѣ дѣла нашихъ князей и царей онъ описалъ въ особой книгѣ, которая у него называется «Краткій Россійскій Лѣтописецъ». Ломоносовъ перечисляетъ всѣхъ нашихъ государей, бывшихъ отъ начала Россіи до Петра Великаго. И въ этомъ дѣлѣ онъ, судя по времени, явился мастеромъ первой руки.

Да за что бы Ломоносовъ не принялся, вездѣ онъ былъ мастеръ первой руки. Всякій новый трудъ его удивлялъ и восхищалъ современниковъ, удивляетъ и восхищаетъ насъ, потомковъ. Его труды на пользу нашего отечества были разнообразны и необыкновенны. Усталости не зналъ этотъ великій человѣкъ. Въ то время не имѣли такой книги, которая научала бы всякаго правильно говорить и пи-

сать, или Грамматики. Русскіе люди не имѣли Русской Грамматики, которая ясно и вразумительно показала бы, что такое нашъ Русскій языкъ, какихъ онъ держится правилъ. Вѣдь каждое ремесло имѣетъ свои правила, и, чтобы понимать ремесло, надо знать, какими правилами оно стоитъ. Эти правила существуютъ и въ нашемъ родномъ языкѣ. Но до Ломоносова, до этого ученаго изъ крестьянъ, Русскіе ученые люди не могли подмѣтить главныхъ свойствъ нашего языка и уложить ихъ въ одни общія, простыя, для всякаго понятныя, правила. Учились наши предки до Ломоносова Русскому языку по Славянскимъ книжкамъ. Ломоносовъ орлинымъ своимъ окомъ сейчасъ увидѣлъ, что по Славянскимъ книжкамъ нельзя научиться. Русскому языку и сочинилъ въ 1755 г. Русскую Грамматику, посвятивъ ее сыну Наслѣдника престола, пресвѣтлѣйшему Государю Великому Князю Павлу Петровичу. Ломоносовъ любилъ Русскій языкъ, или лучше — благоговѣлъ предъ нимъ, называя его «моремъ», едва имѣющимъ предѣлы. Въ началѣ Грамматики Ломоносовъ сравниваетъ нашъ языкъ съ другими иностранными языками и находитъ его совершеннѣе всѣхъ. Ломоносовъ

любилъ нашъ Русскій языкъ,—любилъ тотъ языкъ, которымъ говоритъ простой народъ; любилъ приводить обороты народной рѣчи. Заморской, чужой рѣчи онъ не жаловалъ: въ его книгахъ не найдете Французскихъ, Нѣмецкихъ, Голландскихъ словъ, которыми тогдашніе господа пестрили свой языкъ. И Петръ Великій, и архіереи, при немъ жившіе, и другіе знатные люди весьма часто употребляли слова заморскія, т. е. Французскія, Голландскія, Нѣмецкія.—Ломоносовъ любилъ свою родную, Всероссійскую рѣчь, нашъ живой, разговорный языкъ: то доказываетъ его Россійская Грамматика. Въ то же время онъ и другимъ совѣтовалъ и самъ любилъ обращаться къ церковнымъ книгамъ, дабы обогатить свой языкъ. Языкъ церковныхъ книгъ необходимъ для того, кто хочетъ сообщить своей рѣчи силу, важность и великолѣпіе. Но это сокровище языка Ломоносовъ любилъ указывать и написалъ сочиненіе «о пользѣ книгъ церковныхъ»...

Многообразна была дѣятельность Михаила Васильевича Ломоносова, и за что онъ ни брался—вездѣ подобно Петру Великому, показывалъ себя мастеромъ первой руки. Онъ, одаренный отъ Бога десятью талантами, пер-

вый научилъ нашихъ предковъ сочинять хорошіе стихи. До него безобразно писали стихи. Ломоносовъ писалъ звучными, стройными, пріятными стихами, которые и теперь можно читать съ удовольствіемъ. Напримѣръ, вотъ описаніе кузнечика:

Кузнечикъ дорогой, коль много ты блаженъ,
Коль больше предъ людьми ты счастьемъ одаренъ!
Препровождаешь жизнь межъ мягкою травою,
И наслаждаешься медвяною росою,
Хотя у многихъ ты въ глазахъ презрѣнна тварь;
Но въ самой истинѣ ты передъ нами царь;
Ты скачешь и поешь, свободенъ, беззаботенъ,
Что видишь, все твое; вездѣ въ своемъ дому,
Не просишь ни о чемъ, не долженъ никому

У Ломоносова весьма много стиховъ. Онъ описываетъ стихами разные предметы, но особенно ему любо было говорить стихами о

дорогомъ нашемъ отечествѣ, о пользѣ наукъ и Великомъ просвѣтителѣ Россіи, Петрѣ.

Вотъ псаломъ, переложенный Ломоносовымъ:

Хвалу Всевышнему Владыкѣ
Потщися, духъ мой, возсылать:
Я буду пѣть въ гремящемъ ликѣ
О Немъ, пока могу дышать.
Никто не уповай во вѣки
На тщетну власть князей земныхъ,
Ихъ тѣжь родили человѣки,
И нѣтъ спасенія отъ нихъ.
Когда съ душою разлучатся
И тлѣнна плоть ихъ въ прахъ падетъ,
Высоки мысли разрушатся
И гордость ихъ и власть минетъ.
Господь пришельцевъ сохраняетъ,
И вдовъ пріемлетъ и сиротъ;
Онъ дерзкій грѣшныхъ путь скончаетъ,
Въ Сіонѣ будетъ въ родъ и родъ.

Изъ книги Іова о могуществѣ Творца:

Богъ спрашиваетъ Іова—
Кто море удержалъ брегами,
И безднѣ положилъ предѣлъ,
И ей свирѣпыми волнами

Стремиться далѣ не велѣлъ?
Покрытую пучину мглою
Не Я-ли сильною рукою
Открылъ и разогналъ туманъ,
И съ суши сдвинулъ океанъ?

Изъ одного изъ стихотвореній въ честь Императрицы Елисаветы:

Науки юношей питаютъ,
Отрады старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастной случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха,
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и наединѣ;
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

Въ другомъ изъ такихъ же стихотвореній говорится о Россіи:

Хотя всегдашними снѣгами
Покрыта сѣверна страна,
Гдѣ мерзлыми Борей *) крылами
Твои **) взвѣваетъ знамена;

*) Т. е. сѣверный вѣтеръ, зимняя непогода.
**) Твои относится къ Елисаветѣ.

Но Богъ межъ льдистыми горами
Великъ своими чудесами:

Ломоносовъ не только писалъ хорошіе стихи, но и далъ правила, какъ писать хорошіе стихи.

Но чѣмъ дальше мы будемъ останавливаться на дѣятельности Михаила Васильевича Ломоносова, тѣмъ больше станемъ удивляться разнообразію его талантовъ. Видѣли-ль вы въ Исаакіевскомъ Соборѣ подлѣ царскихъ дверей иконы? эти иконы не кистію и красками писаны:—онѣ сдѣланы изъ разноцвѣтныхъ стеколъ. Обратили-ль вы вниманіе на иконы Св. Николая Чудотворца и Александра Невскаго въ часовнѣ, на Николаевскомъ мосту? эти иконы сдѣланы изъ разноцвѣтнаго стекла, а не красками и не кистію писаны. Искусство дѣлать изъ разноцвѣтныхъ стеколъ или камешковъ картины называется мозаикою. У насъ въ Россіи, до Ломоносова, никто не умѣлъ дѣлать мозаическихъ иконъ или картинъ. Онъ, великій мастеръ на всѣ руки, первый выдумалъ мозаическое искусство въ Россіи. Мозаикою онъ занимался весьма долго; ни какіе другіе труды не могли отвлечь Михаила Васильевича отъ мозаики, и, дѣйствительно, кто понима-

етъ дѣло, тотъ согласится, что мозаическіе образа, картины, самые прочные: время на нихъ не дѣйствуетъ, сырость ихъ не портитъ,—вотъ въ чемъ преимущество мозаической иконы передъ писанною красками, которую и время губитъ, и сырость уничтожаетъ. Мозаическая картина, по словамъ Ломоносова, «ветхой древности грызенья не боится». Увидѣлъ случайно въ домѣ графа Воронцова мозаическую картину, изображающую «плачущаго Апостола Петра»—картина привезена была изъ Рима. Увидѣлъ эту картину Ломоносовъ, и запала въ его пламенную душу мысль самому заняться мозаикой... Началъ заниматься. Сначала малыя подѣлки дѣлалъ, сначала работалъ у себя на дому и работалъ съ успѣхомъ, черезъ нѣсколько времени уже поднесъ Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ мозаическую икону Божіей Матери. Проходитъ еще нѣсколько времени,—и Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ уже пишетъ просьбу въ Сенатъ о дозволеніи ему, Ломоносову, завести фабрику для мозаическаго дѣла. Сенатъ уважаетъ просьбу Ломоносова, даетъ ему право на заведеніе фабрики, отводитъ ему село Ополье, въ Копорскомъ уѣздѣ, съ разными угодьями. Ломоно-

совъ заводитъ фабрику, и работа мозаическая закипѣла...

Плодомъ его занятій мозаикою была картина, изображающая Петра Великаго во время сраженія подъ Полтавою. Эта картина большихъ размѣровъ: она въ три сажени ширины, двѣ съ половиною вышины. Тутъ изображены разноцвѣтнымъ стекломъ не только Петръ, но и его сотрудники: Шереметевъ, Меншиковъ и Голицынъ. Эта картина находится въ Академіи Художествъ (въ Петербургѣ).

Въ ряду прекрасныхъ трудовъ Ломоносова на пользу отечества есть одинъ необыкновенно важный трудъ, на который нельзя не обратить особеннаго вниманія. Я разумѣю записку Михаила Васильевича «О сохраненіи и размноженіи Россійскаго народа». Эта записка заключаетъ въ себѣ безцѣнныя мысли. Она вся проникнута горячею любовію къ нашему доброму и простому народу, тому народу, который самъ себя называетъ темнымъ.

Простой народъ, «эти темные люди», составлялъ предметъ постоянной заботливости Ломоносова, сына крестьянина-рыбака. Познакомимся съ нѣкоторыми мыслями изъ

этой записки. Ломоносовъ говоритъ, что Царица Елисавета Петровна закономъ отмѣнила смертную казнь, «но много есть, замѣчаетъ Михаилъ Васильевичъ, человѣкоубійства и еще самоубійства, народъ умаляющаго, которыя указами истребить невозможно, потому что они происходятъ отъ нашихъ обычаевъ. И начинаетъ Ломоносовъ перечислять обычаи наши, которые бываютъ причиною сокращенія жизни нашего народа.

Во-первыхъ: важнѣйшимъ злоупотребленіемъ Михаилъ Васильевичъ считаетъ браки между лицами неровныхъ лѣтъ, когда, напримѣръ, взрослая дѣвушка выходитъ замужъ за несовершеннолѣтняго парня, или старикъ женится на молодой дѣвушкѣ: «по моему мнѣнію, пишетъ Ломоносовъ, нѣвѣста должна быть старѣе жениха развѣ только двумя годами, а женихъ старѣе можетъ быть пятнадцатью лѣтами».

Во-вторыхъ: Михаилъ Васильевичъ порицаетъ насильное супружество. По его мнѣнію, священники еще раньше вѣнчанья должны спрашивать, по взаимному-ли согласію вступаютъ въ супружество женихъ и невѣста.

Въ-третьихъ: для сохраненія народа онъ

совѣтуетъ учредить богадѣленные дома, гдѣ бы принимали «неповинныхъ младенцевъ», рожденныхъ внѣ брака. Изъ этого видно, что въ его время еще не было воспитательныхъ домовъ, гдѣ принимаются несчастныя дѣти, покинутыя своими родителями...

Въ-четвертыхъ: слѣдуютъ «младенческія болѣзни, изнуряющія и въ смертныя челюсти повергающія начинающуюся жизнь человѣческую». Самое первое и самое лютѣйшее мученіе, по его словамъ, есть рожденіе: страждетъ мать, страждетъ и дитя. Какъ много бываетъ поврежденій при родахъ отъ неискусства повивальныхъ бабокъ. Потомъ наступаютъ дѣтскія болѣзни, напримѣръ: выходъ зубовъ, грыжа, оспа и пр. Для умаленія столь важнаго зла Ломоносовъ совѣтуетъ выбрать хорошія книжки о повивальномъ искусствѣ, о дѣтскихъ болѣзняхъ, и эти книжки такъ составить, чтобы и способы лекарства указывались сподручные; такія книжки напечатать въ достаточномъ количествѣ, распродать во все государство по всѣмъ церквамъ, чтобы священники и грамотные люди, читая, могли сами знать и другихъ наставлять. Ломоносова убиваетъ мысль, тяжелая мысль о смертности дѣтей

въ Россіи; по его расчисленію выходитъ, что у насъ тогда умирало въ годъ по сту тысячъ младенцевъ, едва достигшихъ трехлѣтняго возраста. «Не стоитъ-ли труда и попеченія нашего, говоритъ Михаилъ Васильевичъ, чтобы хотя десятую долю (т. е. десять тысячъ) можно было удобными способами сохранить къ жизни»!..

Въ-пятыхъ: много вредитъ сохраненію и размноженію Россійскаго народа невоздержаніе. «Паче другихъ временъ пожираютъ у насъ масляница и святая недѣля великое множество народа». Ломоносовъ говоритъ, что передъ великимъ постомъ въ Россіи много людей такъ загавливаются, что и говѣть времени не остается. «Мертвые по кабакамъ, по улицамъ и по дорогамъ. Разговѣнье томужъ подобно». Приближается Свѣтлое Христово Воскресеніе... «Тогда хотя почти безпрестанно читаютъ страсти Христовы, однако мысли наши уже на Святой Недѣлѣ. Иной представляетъ себѣ пріятныя и скоромныя пищи, иной думаетъ, поспѣетъ-ли ему къ празднику платье. Наконецъ заутреню въ полночь начали и обѣдню до свѣту отпѣли, Христосъ Воскресе! только въ ушахъ и на языкѣ, а въ сердцѣ какое

ему мѣсто! Какъ съ привязу спущенныя собаки, какъ накопленная вода съ отворенной плотины, какъ изъ облака прорвавшіеся вихри рвутъ, ломятъ, валятъ, опровергаютъ, терзаютъ; тамъ разбросаны разныхъ мясъ раздробленныя части, разбитая посуда, текутъ пролитые напитки; тамъ лежатъ безъ памяти отягченные объяденіемъ и пьянствомъ; тамъ валяются обнаженные и... утомленные недавніе строгіе постники»... Между тѣмъ бѣдный желудокъ, привыкнувъ къ пищѣ малопитательной, вдругъ долженъ принимать пищу сальную, тучную, «пресѣкается теченіе крови, и душа... улетаетъ изъ тѣсноты тѣла»...

И много другихъ обычаевъ, сокращающихъ жизнь нашего народа, указываетъ Ломоносовъ. О всѣхъ такихъ обычаяхъ онъ говоритъ съ глубокою скорбію.

Любовь Ломоносова къ простому народу высказывается и въ его запискѣ «Объ обязанности духовенства». Главное дѣло въ томъ состоитъ, пишетъ онъ, что вездѣ, гдѣ только есть церковь, должны попы и причетники учить грамотѣ, за общую плату всего прихода, и не давать бѣгать по улицамъ малымъ ребятамъ, кои еще ни въ какую ра-

боту не годятся. Мнѣ кажется, отъ пяти до десяти, а иногда до двѣнадцати лѣтъ могутъ сколько нибудь грамотѣ научиться и закону».

Впрочемъ, что касается просвѣщенія Русской земли, то тутъ Ломоносову было все равно: крестьяне-ли, дворяне-ли, духовные-ли. Онъ всѣхъ желалъ образовать, всѣмъ открыть путь къ свѣту науки: онъ хотѣлъ быть въ этомъ отношеніи всѣмъ полезенъ. «Коли Богъ далъ мнѣ умъ и талантъ, вывелъ изъ рабочьей хижины въ царскіе чертоги, помогъ мнѣ стать въ ряду съ первыми учеными людьми моего вѣка, то вѣрно для того, чтобъ я могъ быть полезенъ отечеству, чтобъ я трудился для Россіи родной своей».

И Ломоносовъ трудился непрестанно на пользу любезной ему Россіи. Онъ подалъ мысль основать въ Москвѣ высшее учебное заведеніе или университетъ, который и былъ открытъ при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ (1755 г.). Онъ уговаривалъ своего благодѣтеля и покровителя, Ивана Ивановича Шувалова, вельможу Императрицы Елисаветы, открыть университетъ въ Петербургѣ. Вообще онъ сильно радѣлъ объ открытіи училищъ,

откуда, по его словамъ, могли произойти не одинъ, а многочисленные Ломоносовы.

Ради науки Ломоносовъ нерѣдко готовъ былъ жертвовать жизнію. Разъ, дѣйствительно, чуть не подвергся смерти изъ любви своей къ наукѣ. Онъ наблюдалъ надъ силою грома и молніи во время страшной грозы. Сильный ударъ молніи убилъ на мѣстѣ его товарища по службѣ, въ то самое время, когда и Ломоносовъ слѣдилъ за громовою силою. По этому поводу Ломоносовъ писалъ къ Шувалову отъ 26 іюля 1753 г. «Что я нынѣ къ вашему превосходительству пишу, за чудо почитайте, для того, что мертвые не пишутъ. Я не знаю еще, или по послѣдней мѣрѣ сомнѣваюсь, живъ-ли я, или мертвъ. Я вижу, что господина профессора Рихмана (его товарищъ по ученой службѣ) громомъ убило, въ тѣхъ же точно обстоятельствахъ, въ которыхъ я былъ то же самое время. Сего іюля въ 26-е число въ первомъ часу по полудни поднялась громовая туча отъ Норда (сѣвера). Громъ былъ нарочито (слишкомъ) силенъ, дождя ни капли. Выставленную громовую машину посмотрѣвъ, не видѣлъ я ни малаго признаку электрической (громовой) силы. Однако, пока кушанье на

столъ ставили, дождался нарочитыхъ (сильныхъ) изъ проволоки искоръ, и къ тому пришла моя жена и другія; и какъ я, такъ и онѣ безпрестанно до проволоки и до привѣшеннаго прута дотыкались, затѣмъ, что я хотѣлъ имѣть свидѣтелей разныхъ цвѣтовъ огня, противъ которыхъ покойный профессоръ Рихманъ со мною споривалъ. Внезапно громъ чрезвычайно грянулъ въ самое то время, когда я руку держалъ у желѣза и искры трещали. Всѣ отъ меня прочь побѣжали. И жена просила, чтобы я шелъ прочь. Любопытство удержало меня еще двѣ или три минуты, пока мнѣ сказали, что шти (щи) простынутъ, а притомъ и громовая сила (электрическая) почти перестала. Только я за столомъ посидѣлъ нѣсколько минутъ, внезапно дверь отворилъ человѣкъ покойнаго Рихмана, весь въ слезахъ и въ страхѣ запыхавшись. Я думалъ, что его кто-нибудь на дорогѣ билъ, когда онъ ко мнѣ былъ посланъ; онъ чуть выговорилъ: *профессора громомъ зашибло*. Въ самой возможной скорости, какъ силъ было много, пріѣхавъ увидѣлъ, что онъ лежитъ бездыханенъ. Мнѣ и минувшая въ близости моя смерть и его блѣдное тѣло, и бывшее съ нимъ наше согласіе и дружба, и плачь его жены, дѣтей и дому, столь были чувствительны, что я великому множеству сошедшагося народа не могъ ни на что дать слова или отвѣта, смотря на то лице, съ которымъ я *за часъ* сидѣлъ въ конференціи... И такъ Рихманъ плачевнымъ опытомъ увѣрилъ, что электрическую громовую силу отвратить можно: однако на шестъ съ желѣзомъ, который долженъ стоять на пустомъ мѣстѣ, въ которое бы громъ билъ, сколько хочетъ». Этотъ отрывокъ изъ письма лучше всѣхъ моихъ словъ говоритъ о сильной любви Ломоносова къ наукѣ.

Не могши добыть столяра для дѣланія громовой машины, онъ, небоявшійся глядѣть въ лице самой смерти, вмѣсто земной машины выставилъ съ крыши шестъ къ громовымъ тучамъ, къ шесту прикасался топоромъ и такимъ образомъ изучалъ силу громовую...

Незадолго до смерти Ломоносова вступила на престолъ Екатерина вторая. Императрица глубоко уважала Михаила Васильевича. Узнавши, что Ломоносовъ заскучалъ, затосковался,—она въ сопровожденіи княгини Дашковой сама пріѣхала къ нему на домъ и тѣмъ осчастливила послѣдніе дни жизни Ми-

хаила Васильевича. Императрица неожиданно для хозяина вступила въ его комнату, когда онъ сидѣлъ въ глубокой задумчивости у большаго стола, на которомъ были разложены его книги и разные приборы для занятій. Услыша привѣтъ Императрицы: «здравствуйте Михаилъ Васильевичъ! онъ вскочилъ какъ будто съ просонокъ. «Я пріѣхала съ княгинею навѣстить васъ, прослышавъ что неможете, или паче грустите». Нѣсколько минутъ уста Ломоносова окованы были молчаніемъ, наконецъ онъ воскликнулъ: «нѣтъ, государыня; не я нездоровъ, не я грустенъ, больна и грустна душа моя».—«Полечите ее— отвѣчала Екатерина, полечите живымъ перомъ своимъ. Привѣтствуя меня съ новымъ годомъ, вы сказали, что также усердствуете ко мнѣ, какъ и къ дочери Петра Великаго».—Нѣтъ не перо, а сердце мое писало: отвѣчалъ Ломоносовъ.

Твой трудъ для насъ обогащенье,
Мы чтимъ стѣною подвигъ твой;
Твой разумъ—наше просвѣщенье
И неусыпность—нашъ покой.

Слезы блеснули въ очахъ Екатерины и она возразила: «вѣрю, вѣрю, Михаилъ Васильевичъ, а чтобы еще болѣе удостовѣрить меня, то завтра пріѣзжайте ко мнѣ откушать хлѣба-соли. Щи у меня будутъ такіе-же горячіе, какими потчуетъ васъ ваша хозяйка. Затѣмъ Императрица осматривала его мозаическія работы и разные для науки приготовленные инструменты, бесѣдовала съ нимъ о любимыхъ его занятіяхъ.

Передъ смертію Михаилъ Васильевичъ говорилъ «я не тужу о смерти; пожилъ, потерпѣлъ, и знаю, что обо мнѣ дѣти отечества пожалѣютъ». Вскорѣ послѣ его смерти, графъ Михаилъ Илларіоновичъ Воронцовъ соорудилъ на свой счетъ прекрасный мраморный памятникъ Ломоносову, на которомъ означилъ Латинскими и Русскими буквами всѣ почетныя званія Михаила Васильевича.

Этотъ памятникъ и теперь стоитъ на кладбищѣ Александро-Невскаго монастыря, въ Петербургѣ.

Императоръ Павелъ I въ 1798 г. исключилъ изъ подушнаго оклада и освободилъ на вѣчныя времена отъ рекрутской повинности родственниковъ Ломоносова крестьянскаго сословія. При Императорѣ Николаѣ I, Ломоносову поставленъ памятникъ въ Архангельскѣ. При въ Бозѣ почившемъ Государѣ Импе-

раторѣ Александрѣ II былъ торжественно отпразднованъ (1865 г.) столѣтній юбилей со дня смерти Ломоносова: торжество отправлялось въ Академіи Наукъ, гдѣ нѣкогда служилъ Ломоносовъ, въ разныхъ университетахъ и гимназіяхъ,—въ дворянскомъ собраніи гдѣ собралась тысяча народа, дабы почтить память великаго человѣка;—въ театрѣ было устроено особое представленіе въ честь Ломоносова, бюстъ его увѣнчали лаврами при пѣніи похвальныхъ стиховъ.

Въ Александро-Невской лаврѣ отслужена была торжественная панихида соборомъ митрополитовъ и епископовъ, при многочисленномъ стеченіи народа.

Чтобы на вѣчныя времена утвердить память о Ломоносовѣ въ сердцахъ Русскихъ людей, Государь Императоръ Александръ II повелѣлъ ежегодно выдавать въ память Ломоносова тысячу рублей серебромъ изъ государственнаго казначейства за лучшую книгу на Русскомъ языкѣ: эта сумма называется Ломоносовскою наградою (преміею); въ разныхъ Русскихъ университетахъ и академіяхъ воспитываются многіе молодые люди на счетъ добровольныхъ пожертвованій въ память Ломоносова: эти пожертвованія

называютъ Ломоносовскими стипендіями. На мѣстѣ родины Ломоносова, въ деревнѣ Денисовкѣ, устроено училище «Ломоносовское»; сама Денисовка, гдѣ Ломоносовъ родился, переименовано теперь въ Ломоносовку.

И такъ почти 20 лѣтъ тому назадъ прославляя Ломоносова, мы вспоминали то время, когда при первыхъ преемникахъ Петра Великаго иностранцы забрали у насъ великую силу и унижая Русскихъ, твердили, что Русскихъ ученыхъ никогда не будетъ, что имъ, иностранцамъ, вѣкъ придется насъ учить, а намъ на нихъ работать.

Но Богъ изведшій Русь изъ плѣна
Отъ Агарянъ, не попустилъ,
Чтобъ извела ее измѣна
И гнѣвъ на милость приложилъ.
Избралъ единаго отъ малыхъ
Ему открылся въ блескѣ льдовъ,
Въ сіяньѣ звѣздъ и въ зоряхъ алыхъ
Въ раскатѣ волнъ, въ шуму лѣсовъ.
И, повелѣвъ оставить сѣти,
Повелъ его изъ града въ градъ,
Чтобъ Русь позналъ изъ темной клѣти,
До свѣтлыхъ княжескихъ палатъ.
Повелъ его на западъ славный,
Чтобъ воспріялъ онъ въ разумъ тамъ

Все откровенное издавна
Великимъ, избраннымъ мужамъ,
Чтобъ отъ свѣтильника ихъ знаній
Свѣтильникъ свой онъ воспалилъ
И, высоко держа во длани,
Весь край родной имъ озарилъ.

(Изъ стихотворенія А. Н. Майкова о Ломоносовѣ).